

Аллахвердов В. М.

Ностальгия по теоретической психологии¹ //

В. М. Аллахвердов. Размышление о науке психологии
с восклицательным знаком. СПб.: Формат, 2009. С. 57–69.

С Н. И. Чуприковой мы познакомилась благодаря В. Л. Райкову — великому гипнологу и своеобразному, но очень обаятельному человеку. Потом с радостью приветствовали друг друга на различных конференциях. Наталия Ивановна однажды сама показала мне в своей книге 1989 г. результат, весьма близкий к полученному мной феномену последствия негативного выбора. Я был тронут: не так часто психологи рассматривают свои данные под углом зрения идей, разрабатываемых другими.

И вдруг звонок. Наталия Ивановна: «Я опубликовала статью в “Вопросах психологии”. Она имеет принципиальное значение. Мне бы не хотелось, чтобы ее не заметили. Напишите отзыв». Я растерялся: «Но у меня другой взгляд на психику, другая парадигма». — «Тем интереснее, — ответила

57

она. — Напишите и посылайте сразу в журнал». — «Нет уж, вначале ее прочитаете Вы». Е. В. Щедрина — гл. ред. «Вопросов психологии» — отзыв напечатала сразу, да еще пожурела, что мало пишу для такого замечательного журнала.

В статье я достаточно подробно обсуждаю проблему классификации психических процессов. Мое неприятие именно этой классификации более всего вызвано тем, что она лежит в основе госстандарта обучения психологов. Это неприятие, впрочем, легко переносимо и на многие другие принятые в психологии классификации.

В психологии многое изменилось. Прежние идеалы научного познания во многом утеряны, да и сама истина зачастую объявляется устаревшим понятием. На этом фоне статья Н. И. Чуприковой выглядит как глоток доброго коллекционного вина в окружении многочисленных суррогатов. Солидарен с ней, когда она отстаивает «постулаты естествознания» (признание объективного существования мира и его познаваемости, а отсюда следует возможность установления истины как соответствия нашего знания реальности). В восторге снимаю шляпу, когда она защищает общую психологию от тенденций распада на не

¹ Отклик на статью: Чуприкова Н. И. Система понятий общей психологии и функциональная система психической регуляции поведения и деятельности // Вопросы психологии. 2007. № 3. С. 3–15.

связанные друг с другом части. Полностью принимаю как само намерение «интеграции обширного, но плохо систематизированного психологического знания», так и выбранный Н. И. Чуприковой путь «интеграции сверху — путь по преимуществу дедуктивный, на основе некоторых общих теоретических принципов и постулатов». При этом для нее интеграция — это не анархический призыв к равенству всех школ и их представителей лишь бы «жить дружно» (как это выражено, например, В. В. Козловым² в манифесте интегративной психологии). Наоборот, она отвергает плюрализм и призывает к построению единой психологической теории, выступающей «как средство упорядочивания и систематизации конкретных знаний о психических явлениях, процессах, закономерностях». Впрочем, тут же признается, что такой теории «пока еще не существует ни у нас, ни за рубежом».

Далее осуществляется выбор пути, двигаясь по которому такая теория должна строиться. Вот текст из аннотации к статье, определяющий замысел Н. И. Чуприковой: «Представлена попытка рациональной классификации основных понятий общей психологии на основе базового системообразующего понятия о психике как отражении действительности и регуляторе поведения и деятельности». К великому сожалению, я не могу с этим замыслом согласиться.

Во-первых, классификация, даже рациональная, не может претендовать на статус теории. Классификация в развитых науках обычно нужна

58

для систематизации эмпирических явлений. Без теоретического обоснования классификация не может быть признана верной, так как не существует строгих критериев, позволяющих установить истинность классификации. Даже сформулированное в логике требование классифицировать по одному основанию является желательным, но все-таки несовершенным — в литературе часто отмечается, что так построенные классификации редко бывают эвристичными. Классификация может обосновываться прагматическими соображениями, когда для выделенных классов объектов указываются

² Козлов В. В. Седьмая волна в развитии психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 2. Ярославль, 2004.

разные технологии работы. Таковы, например, классификации в психиатрии. Но и тогда оценивается не истинность классификации, а ее эффективность. (Замечу в скобках, что эффективность не эквивалентна истинности. Из того, что изгнание беса в некоторых культурах является эффективным психотерапевтическим приемом, не следует, что бесы существуют.)

Во-вторых, призывается классифицировать не эмпирические явления, а понятия. Предполагается тем самым, что хотя и нет хорошей теории, но существуют хорошие понятия. Действительно, в психологии в отсутствие теории все время ищут исходные категории. Но это путь тупиковый. «На месте основополагающего начала психологической теории, — пишет Чуприкова, — предлагались понятия души, ассоциации, гештальта, стимул-реакции, бессознательного, деятельности и некоторые другие. Однако психологам пока еще не удалось на основе этих понятий построить более или менее целостную систему достаточно прочно установленного психологического знания, который традиционно составляет содержание курсов общей психологии». Что в этом удивительного? Базовые понятия сами по себе не могут иметь понимаемого смысла. Их нельзя определить с помощью других слов (в противном случае надо выбирать за базовые эти самые другие слова). В науках, опирающихся на опыт (их и называют естественными), понятия приобретают значения не сами по себе, а при вхождении в теорию. Как говорят физики, *теория интерпретируется на реальности*, чем и задается смысл исходных терминов. Речь идет о том, что терминам умозрительной конструкции (теории) приписываются значения реальных объектов, а затем проверяется, соответствуют ли логические следствия теории наблюдаемым в опыте свойствам этих реальных объектов³. Так устанавливается истинность теории (в границах ее применимости).

³ Это принципиально: не реальность интерпретируется в терминах теории, а умозрительная теория интерпретируется в терминах реальности. Ученый строит гипотезы (догадки) и их проверяет, а не извлекает свои гипотезы непосредственно из опыта. Если же считать, что теории порождаются как вытекающие из эмпирических данных интерпретации наблюдаемой реальности, то тогда сразу оказывается, что можно строить множество разных теорий-интерпретаций. Эмпиризм ведет к плюрализму.

Интерпретация на реальности отдельных понятий не подлежит проверке, поэтому нельзя установить ни истинность, ни даже правомерность этой интерпретации. Да и целостную систему знаний без теории не построить.

В-третьих, почему психика как базовое системообразующее понятие трактуется как отражение действительности и регулятор поведения и деятельности? Поясняется это цитатой Б. Ф. Ломова: «Если бы психика не осуществляла функций отражения окружающей среды и регуляции поведения, то она была бы просто ненужной». Однако эта фраза не точна. Есть много нужных вещей, которые не осуществляют функций отражения и регуляции. Почему, если психика не осуществляет этих функций, а делает что-то другое, она объявляется ненужной? Прошу прощения за занудность, но сделаю фразу Ломова корректнее: «Раз психика предназначена регулировать деятельность, но не выполняет эту функцию, то такая психика не нужна». При данной формулировке сразу видно, что вывод заранее содержится в посылке. А значит, ничего не доказывает.

Если рассматривать только осознанное психическое, то моя позиция существенно отличается от позиции Чуприковой. Я полагаю, что сознание лишь имитирует познавательную деятельность, осуществляемую мозгом, с целью получения положительного эмоционального подкрепления. В результате сознание способно строить гипотезы о ненаблюдаемом (о добре и зле, о Вселенной и кварках, о самом себе и о своем бессознательном и т. п.). И — главное — всячески пытается эти гипотезы подтвердить. А потому человек, наделенный сознанием, ведет себя так, будто созданная им субъективная реальность верна. Но поскольку он так себя ведет, то оказывается, что эта субъективная реальность действительно управляет его поведением. Это значит, что сознание действительно может регулировать деятельность. Я согласен, что при этом в сознании отражается и объективная реальность. Но уверен, что все это — неспецифические функции сознания. Море исследований т. н. когнитивного бессознательного на Западе, да и многочисленные экспериментальные данные, полученные в нашем Отечестве, показывают: и реальность отражается, и деятельность регулируется быстрее и точнее без осознания. Так, органы чувств отражают реальность с точностью,

близкой к теоретическим пределам, хотя осознается лишь малая толика воспринятого. В физиологической памяти человека хранится, по-видимому, вся когда-либо поступившая информация, да еще с отметкой о времени поступления, хотя осознаем мы ничтожную часть хранимого; скорость неосознанной переработки информации, включая семантическую переработку, на несколько порядков превосходит возможности осознанной переработки; скорость и точность регуляции

60

деятельности на неосознаваемом уровне настолько превосходит сознательные возможности, что овладение моторными навыками вообще возможно только путем снятия сознательного контроля над их выполнением.

Если мы о сознании мало знаем, то тем труднее делать высказывания о психике, поскольку она не подлежит объективному наблюдению и не всегда осознается, т. е. и субъективно не всегда наблюдается. А. Ребер⁴ пишет о психике в словаре: «Этот термин является избитым результатом объединения философии и психологии. На некотором глубинном уровне мы его нежно любим и лелеем и видим в нем большой потенциал, но из-за нашей собственной несостоятельности непрерывно злоупотребляем им, грубо прибегая к излишним домыслам». Н. И. Чуприкова, что вызывает безусловное уважение, идет на риск и дает в статье определение психики: «Психика — это особое свойство высокоорганизованной материи, состоящее в ее развитой способности изменяться в качественном, количественном и структурном отношении в соответствии с качественными, количественными и структурными особенностями тех объектов, с которыми она (материя) приходит во взаимодействие». Но, к сожалению, и это определение не слишком понятно.

Высокоорганизованная материя трактуется как более общее понятие, чем нервная система. Но что считать высокой организованностью? Достаточно ли высоко организованы Вселенная (которую Чуприкова вслед за Н. О. Лосским называет «органическим целым»), журавлиный клин, муравей, пластилин или компьютер, чтобы иметь возможность обладать психикой? Все указанные объекты (может

⁴ Ребер А. Толковый психологический словарь: В 2 т. М., 2000.

быть, за исключением Вселенной) изменяются в качественном, количественном и в структурном отношении при взаимодействии с другими объектами (например, мрамор взаимодействует со скульптором, который отсекает от него все лишнее, а в итоге количественных изменений в мраморе происходят и структурные изменения, и порождается новое качество, да и муравей, если на него упадет созданная скульптура, тоже изменяется и качественно, и структурно). Достаточно ли этого, чтобы признать наличие у подобных объектов развитой способности изменяться? Очевидно, нет. По-видимому, подразумевается, что психика обладает свойством *правильно* изменяться, т. е. «в соответствии с особенностями тех объектов, с которыми высокоорганизованная материя взаимодействует», делает это *особым* образом (как при этом сохраняется правильность?), для чего ей дана некая *способность*. Однако все это как раз и требует расшифровки и объяснения.

Данное определение не решает и самых важных (причем весьма древних) проблем. *Онтологическая проблема*: как психика (и сознание)

61

возникают из непсихического (несознательного)? Ведь непонятно, каким образом, например, физиологические механизмы или компьютерные алгоритмы могут породить субъективное чувство непосредственной данности. *Гносеологическая проблема*: как психика (сознание) могут сопоставить свое знание об объекте самому объекту, если психика (сознание) содержат лишь представление об объекте, а не сам объект? Нельзя же сличать то, что есть в психике, с тем, чего в психике нет. Иначе говоря, каков критерий, позволяющий психике (или высокоорганизованной материи) устанавливать верность соответствия своих представлений особенностям объектов, т. е. *правильность* изменений в самой высокоорганизованной материи? Как справедливо отмечает Чуприкова, психика активна и действует по собственным законам. Но в свете данного ею определения это выглядит загадочным. Если психика активна, то высокоорганизованная материя должна изменяться не только в соответствии с объектами взаимодействия, но и в связи с самой психикой и ее законами. Психика же, по определению,

обеспечивает соответствие объектам, а не самой себе или своим законам.

Если психика полностью детерминирована физиологическими законами, то у нее, вообще говоря, не должно быть, по-видимому, никакой активности и никаких своих законов. Причиной психической деятельности тогда следует считать исключительно нервные механизмы, психические процессы должны объясняться законами физиологии. Ведь если даже, по Чуприковой, объем произвольного внимания полностью детерминирован физиологическими механизмами, то в чем проявляется активность психики? Если выбор того, что стоит осознанно запоминать (как и того, что запоминать не стоит), осуществляется физиологическими механизмами, то — новая вечная проблема — в чем заключается *свобода выбора*? Н. И. Чуприкова пишет осторожно: активность психики «обеспечивается сложнейшей многоуровневой тонко регулирующей системой нервных механизмов», т. е. *обеспечивается* нервными механизмами, а не детерминируется ими. Но тогда лучше поступать наоборот: не природу психического объяснять нервными механизмами, а природу физиологических процессов объяснять необходимостью обслуживать именно такую психическую деятельность. (Последний подход, кстати, вполне сопряжен с позицией К. Маркса: анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны.)

К чему же в итоге приходит автор статьи? К попытке «очертить в первом приближении рациональную систему психологических понятий, традиционно употребляемых для классификации психических процессов и составляющих основной каркас того раздела общей психологии, который посвящен психическим процессам». Предупреждается, что «система, которая будет рассмотрена, характеризует психику взрослого
62

человека так, как это принято в учебниках и руководствах по общей психологии». Но в самом начале статьи Н. И. Чуприкова соглашается с тем, что в современных учебниках общая психология представляет собой объединение разнообразных проблем и плохо систематизированной груды отдельных фактов. Если сложившаяся в учебниках классификация психических процессов неверна, то разве может оказаться эвристичной попытка ее логического упорядочивания?

А ведь эта классификация не просто плоха, она удручающе плоха. Нет критериев, позволяющих какие-нибудь явления считать или, наоборот, не считать психическим процессом. Действительно, кто ответит, почему *уверенность* при решении задач — это чувство, *понимание* — это всего лишь часть мышления, в то время как *воображение* — самостоятельный процесс? Все признают, что процессы тесно взаимосвязаны и в чистом виде не существуют. Нельзя что-либо воспринять и осознавать, что именно воспринято, без памяти. Но и нельзя ничего запомнить, если то, что подлежит запоминанию, не было воспринято. Как их разделить? Внимание характеризуется в учебниках рядом противоречащих друг другу свойств: распределенностью, переключаемостью и концентрированностью. Вряд ли кому-нибудь известно, на каком основании эти противоречащие свойства объявляются принадлежащими одному процессу, а не являются тремя самостоятельными и независимыми процессами. К тому же само внимание иногда объявляется даже не процессом, а состоянием. И почему вера, надежда или любовь вообще не являются психическими процессами?

Психологи, по-видимому, думали, что загадочность психического уменьшится, если расчленить психику на более мелкие и потому, можно ожидать, на более понятные *психические процессы*. Понимали: деление условно и не имеет теоретического обоснования. Однако были вдохновлены надеждой, что оно помогает в описании экспериментов и разработке объяснительных схем. Помогало же первым химикам в систематизации их опыта выделение таких наблюдаемых процессов, как смешивание, горение, выпадение осадка и пр. (Правда, химики не создавали лабораторий выпадения в осадок — в отличие от психологов, порождавших лаборатории психологии восприятия, памяти или мышления.) Теоретические процессы, описывающие непосредственно ненаблюдаемые химические явления (как, например, окисление), стали известны гораздо позже. Сама Чуприкова признает понятийно-терминологические трудности существующей классификации. В частности, она утверждает, что получаемый в исследованиях социального интеллекта эмпирический материал вообще не укладывается в «прокрустово ложе» принятых психологических понятий.

Положение, однако, еще страшнее. В прокрустово ложе принятой в учебниках классификации вообще мало что укладывается.

63

Существующая классификация психических процессов, очевидно, построена по разным основаниям: например, эмоции от воли отличаются совсем не тем, чем речь отличается от воображения, а память от внимания. Одни и те же явления можно с равным успехом отнести к разным классам. Какие, например, явления мы должны отнести к классу *ощущений*? В западной психологии (когнитивизме и позднем бихевиоризме) ощущение трактуется (цитирую по разным словарям) как обнаружение стимуляции, как *осведомленность* (стыдливое название осознанности) о каких-то состояниях внутри или вне тела, вызванных возбуждением системы рецепторов. А заодно к ощущениям относят такие вещи, как ощущение субъективной уверенности или чувство (т. е. ощущение) юмора. Ну, прямо как в Средние века, когда в специальной монографии о змеях обязательно должны присутствовать не только сведения о ползучих гадах, но и разделы о змеях воздушных, змеях геральдических, змеях сказочных и пр. — ведь надо же изложить все о змеях. Поскольку, впрочем, ни когнитивисты, ни бихевиористы не знают, что такое сознание, они в итоге (хотя и не в словарях) признаются, что им неизвестно, как происходит процесс приобретения осведомленности. Потому же, наверное, предпочитают и не трактовать ощущение как самостоятельный психический процесс.

В советской психологии взгляд на ощущение пояснялся цитатами из В. И. Ленина [см.: любые психологические словари того времени]: 1) Ощущение «есть превращение внешнего раздражителя в факт сознания»; 2) «Самым первым и самым первоначальным является ощущение». В итоге советские психологи, которые вынужденно (но иногда и по любви) объявили ленинское учение гениальным, оказались в ловушке. С одной стороны, из приведенных цитат вроде бы предполагается обязательная представленность ощущений в сознании. А с другой — признается наличие ощущений у животных (коли ощущения первоначальны вообще, то, значит, и филогенетически первоначальны тоже), но отрицается у последних сознание.

Утверждение о первоначальности ощущений вообще все запутывает. А. А. Ухтомский⁵ уверял: простые ощущения, о которых стали говорить только после Д. Юма, «есть, в сущности, абстракция, более или менее полезная аналитическая фикция, тогда как реальный и живой опыт имеет дело всегда с *интегральными образами*». У. Джеймс писал: «Ни у кого не может быть элементарных ощущений самих по себе. С самого рождения наше сознание битком набито множеством разнообразных объектов и связей, а то, что мы называем простыми ощущениями, есть результат разборчивости внимания, которая часто достигает высочайшего уровня»⁶. К. Коффка подчеркивал: младенец на втором месяце жизни еще не воспринимает синий цвет, но ему уже

64

знакомо лицо матери⁷. Гештальтисты, школа Д. Н. Узнадзе и многие другие исследователи экспериментально опровергают первичность ощущения в чувственном опыте человека. А. Ш. Тхостов доказывает, что «порождение отдельного конкретного соматического ощущения не выводимо из наличной ситуации» и что «телесные» ощущения человека во многом зависят от его сложившихся *мифологических представлений*⁸. Но как тогда можно различить ощущение и восприятие? Пишет В. А. Лекторский: «Мы ощущаем данное цветное пятно не только как абсолютно единичное, но и как индивидуальное выражение цветовой универсалии («красного вообще»)». Непонятно, каким образом ощущения, для которых характерна абсолютная непосредственность (т. е. отсутствие в них составных частей, признаков), могут иметь не только уникальный, но и обобщенный характер»⁹.

Б. Г. Ананьев вполне в духе советской традиции называл ощущение «самым элементарным фактом сознания»¹⁰. Однако то, что

⁵ Ухтомский А. А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 1. Л.: ЛГУ, 1950.

⁶ Цит. по: Шульц Д., Шульц С. История современной психологии. СПб., 1998. С. 179.

⁷ Коффка К. Основы психического развития // Основные направления психологии в классических трудах. Гештальт-психология. В. Келер, К. Коффка. М., 1988.

⁸ Тхостов А. Ш. Психология телесности. М., 2002. С. 101 и др.

⁹ Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001. С. 117.

¹⁰ Ананьев Б. Г. Теория ощущений. Л.: ЛГУ, 1961. С. 122.

мы ощущаем, как доказали сами же психологи, является результатом принятого решения и зависит отнюдь не только от раздражителя, но также от опыта, ситуации, установки, других раздражителей, состояния воспринимающего и пр. Что же тогда есть элементарный факт? Всегда ли возможно осознать отдельное свойство предмета без осознания самого предмета? Шершавость ткани или вкус лимона — это ощущение или уже предметное восприятие? Тембральные характеристики одного и того же звука (например, звучание «ля» первой октавы в исполнении флейты, скрипки или камертона) — это отдельное свойство, вызывающее ощущение, или уже целый объект, подлежащий *восприятию*? Определение местоположения источника звука обычно относят к характеристикам слухового ощущения. Но если один и тот же по физическим параметрам звук длительностью в 1 мс приходит в левое ухо на одну тысячную секунды раньше его появления в правом ухе, мы определяем, что слышим только *один* звук, который как бы идет с левой стороны. Нужно различие в три-пять миллисекунд, чтобы услышать *два* звука¹¹. На каком основании мы можем решить, что различия в *тысячные доли секунды*, позволяющие нам определять число источников звука, мы ощущаем, а не, скажем, воспринимаем или мыслим («бессознательно умозаключаем», по Г. Гельмгольцу)?

За деревьями психических процессов зачастую не виден лес целостной человеческой психики. 40 лет назад Я. А. Пономарев, назвав существующую классификацию «отживающей», отметил, что в ней «концы с концами не сходятся» и что само «понятие “психический процесс” неопределенно»¹². В реальных исследованиях то один, то другой психолог приравнивает между собой разные процессы. Р. Арнхейм предупреждает: теоретическое разделение восприятия и мышления

65

небезопасно¹³. А. В. Брушлинский не различает репродуктивное мышление и память¹⁴. Б. М. Теплов, как отмечает сама Чуприкова,

¹¹ *Röppel E.* Grenzen des Bewußtsein. Wie kommen wir zur Zeit und wie entsteht Wirklichkeit? Frankfurt a. M., Leipzig, 2002. S. 20–23.

¹² *Пономарев Я. А.* Психика и интуиция. М., 1967. С. 191–199.

¹³ *Арнхейм Р.* Новые очерки по психологии искусства. М.: Прометей, 1994. С. 72.

отождествляет практический ум и волю. Ряд психотерапевтов не видят разницы между мышлением и эмоциями¹⁵. С ними солидаризируются психофизиологи, например Ю. И. Александров¹⁶. М. А. Холодная обнаруживает, что изучение понятийного мышления оборачивается описанием семантической долговременной памяти, исследование логических умозаключений неожиданно предстает как исследование воображения и т. д. Холодная называет это явление «эффектом перевертыша» и резюмирует: «так называемые познавательные процессы — это не более чем плод нашего несовершенного профессионального ума»¹⁷. А. А. Залевская констатирует: «такие психические процессы, как мышление, речь, память, восприятие и др., онтологически вообще не существуют как отдельные обособленные акты»¹⁸. Специалист по исследованию воли В. А. Иванников не только уверяет, что такого процесса, как воля, реально не существует¹⁹, но и добавляет: «Положение об отдельных процессах надо отвергать»²⁰. Даже в патопсихологии, где диагностическая важность определения у больных отдельных функциональных нарушений не вызывает сомнений, отмечается условность выявления нарушений той или иной функции. «Большинство методик, — пишет О. Ю. Щелкова, — свидетельствует своими результатами о состоянии нескольких функций ...Нельзя ограниченно исследовать только память, только внимание, только мышление»²¹.

В этой, в общем-то, катастрофической ситуации Н. И. Чуприкова предпринимает попытку спасти принятую в отечественных учебниках классификацию. Насколько я ее понял, она прежде всего выделяет процессы отражения внешнего мира и на их основе процессы

¹⁴ Брушлинский А. В. Субъект: мышление, учение, воображение. М., Воронеж: МОДЭК, 1996. С. 45.

¹⁵ Эволюция психотерапии: в 4 т. Т. 2. «Осень патриархов» / Под ред. Дж. Цайга. М., 1998. С. 398.

¹⁶ Александров Ю. И. От эмоций к сознанию // Психология творчества. Школа Я. А. Пономарева / Под ред. Д. В. Ушакова. М., 2006.

¹⁷ Холодная М. А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. М.: Томск, 1997. С. 103.

¹⁸ Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М., 1999. С. 35.

¹⁹ Иванников В. А. Введение в психологию. М., 2006. С. 122.

²⁰ Там же. С. 119.

²¹ Червинская К. Р., Щелкова О. Ю. Медицинская психодиагностика и инженерия знаний. М.; СПб., 2002. С. 23.

антиципации будущих событий (познавательные процессы). Затем выделяются процессы отражения внутреннего мира, т. е. нужды человека (потребности, влечения, мотивации). Потом следуют процессы оценки соответствия этих двух миров (эмоции и чувства). Затем выделяются процессы общения (речь и процессы невербальной коммуникации), память и, наконец, воля, выступающая интегратором всех этих процессов, формирующая цели и программы поведения. Эта схема, уверяет Чуприкова, выведена теоретически и представляет собой «идеальную концептуальную модель психической регуляции поведения и деятельности». Признаюсь, не совсем понял, в каком смысле предложенная схема является идеальной. Обычно идеальная модель в естествознании строится для идеализированных, т. е. заведомо не существующих, объектов²². Вот

66

примеры таких объектов: материальная точка, не имеющая ни длины, ни ширины, математический маятник, идеальный газ, абсолютно упругое тело и пр. Вряд ли Н. И. Чуприкова считает упомянутые ею процессы заведомо не существующими. В гуманитарных науках формируются идеалы (как то, к чему следует стремиться). Наверное, данная схема названа идеальной и не в этом смысле. Впрочем, это не так принципиально. Важнее утверждение Чуприковой: «Разделение психических процессов на шесть основных групп традиционно сохраняется во всех учебниках общей психологии, но она до сих пор не базировалась на каком-то едином и логически ясном основании. В предложенной системе понятий это логическое основание выявлено».

Путь, избранный Н. И. Чуприковой, вызывает безусловное уважение. Она нашла способ увязать концы с концами и придать гибнущей классификации в учебниках второе дыхание. В схеме находят законное место речевые и креативные процессы. Схема иерархична, психические явления перестают быть рядопологаемыми, в ней выделяются два центра: память и воля. Чуприкова пытается с помощью этой схемы преодолеть разрыв между «двумя разделами общей психологии, в одном из которых представлены знания о психических процессах, а в

²² См. подробнее: *Аллахвердов В. М., Кармин А. С., Шилков Ю. М.* Принцип идеализации // *Методология и история психологии.* 2007, вып. 2. С. 147–162.

другом — о личности и ее индивидуальных особенностях». Автором высказано много глубоких замечаний, например о роли темперамента, о становлении и развитии структуры личности. В рамках ее подхода «проблема развития психики предстает как проблема становления, развития, дифференциации и интеграции основных подструктур функциональной системы психической регуляции поведения и деятельности и отдельных их составляющих».

Весь вопрос: а стоит ли эту классификацию спасти? Классификация — это субъективное упорядочивание разнообразных явлений. Она либо удобна, либо нет. Ее в принципе нельзя доказать или опровергнуть. На мой взгляд, она не слишком удобна, ибо *обладает нулевым или даже отрицательным эвристическим потенциалом*. Ведь как только психологи обнаруживают какое-то реальное психическое явление, будь то вытеснение, по Фрейду, дифференциация фигуры и фона у гештальтистов, установка в школе Д. Н. Узнадзе, когнитивный диссонанс, эффект привязки Д. Канемана и др., так сразу выясняется: любое из этих явлений проявляется во всем диапазоне психического. А разнесение однородных по своей структуре явлений по разным рубрикам мешает увидеть их единообразие. Вот пример. У Джеймс вводит метафору потока сознания: сознание течет, непрерывно изменяясь. Из этого можно сделать проверяемый в экспериментах вывод: неизменная стимуляция не может восприниматься сознанием как неизменная, она либо перестает восприниматься, либо начинает трансформироваться. Действительно,

67

это проявляется при предъявлении стабилизированных изображений относительно сетчатки, в адаптации к шуму или к цвету, в эффекте семантической сатиации и пр. (И не следует этим явлениям искать физиологические причины, что зачастую делается, — физиология лишь обеспечивает подобные процессы.) Но при этом обычно не замечается, что и забывание при кратковременном предъявлении информации может быть объяснено как невозможность удерживать в сознании неизменную стимуляцию. По своей природе тогда забывание подчиняется тем же законам, что и восприятие стабилизированных изображений относительно сетчатки. Но для того, чтобы это заметить,

лучше не считать память и восприятие принципиально разными структурами.

Если классификация позволяет прогнозировать существование одних ранее не наблюдаемых явлений и одновременно запрещает существование других явлений, которые здравый смысл до этого считал вполне вероятными, то такая классификация побуждает исследователей создавать теории, объясняющие ее прогностическую силу. Так, теоретическая физика спустя полвека после открытия Д. И. Менделеева объяснила эвристичность созданной им периодической системы. К сожалению, не видно, как классификация Чуприковой может что-либо предсказывать или запрещать. Сама она считает, что «правомерность предложенной классификации психических процессов подкрепляется в определенной степени тем, что для каждой их группы могут быть с некоторым приближением указаны области мозга, с функциями которых они по преимуществу связаны». Я не специалист в области психофизиологии, но не думаю, что все так просто. Например, попытки найти мышлению и эмоциям локализацию в *разных* структурах мозга некоторые авторы объявляют первым из семи смертных грехов нейронауки в изучении эмоций²³.

Нет никаких оснований считать выделенные процессы чем-то большим, чем дидактическим приемом. К существующей классификации с подозрением относятся почти все, даже авторы учебников и разработчики госстандартов подготовки психологов. Правда, они признают, что ничего лучшего у них нет, а данное членение хотя бы опирается на давнюю традицию. Автор самого известного советского учебника по «Общей психологии» С. Л. Рубинштейн писал (правда, не в учебнике): «Функциональное построение психологии искусственно разрывает и разносит по разным рубрикам (восприятие, память и т. п.) явления, по существу, совершенно однородные, выражающие одни и те же закономерности»²⁴. Конечно, Н. И. Чуприкова улучшает традиционную классификацию. Но отмеченные проблемы все равно остаются.

²³ Davidson R. J. Seven sins in the study of emotion: Corrective from affective neuroscience // *Brain and Cognition*. V. 52. 2003. P. 129–132.

²⁴ Рубинштейн С. Л. Избр. философско-психологические труды. М., 1997. С. 180.

Для автора обсуждаемой статьи важно также совпадение разработанной ею схемы «с предложенной П. К. Анохиным физиологической схемой функциональной системы поведенческого акта». Она полагает,

68

что предложенная в ее статье классификация может рассматриваться как усложненный вариант схемы Анохина, модифицированный применительно к психике человека. И, опираясь на идеи Анохина, утверждает: идеальная концептуальная схема-модель психологической регуляции поведения и деятельности должна иметь в качестве своего завершения достижение конечного позитивного результата. Снова не понимаю. Конкретный поведенческий акт может иметь конечный позитивный результат. Но что это значит по отношению к поведению и деятельности в целом? Что является таким результатом: постижение смысла жизни? воспитание потомства? создание творческих шедевров? погружение в нирвану? Наконец, как система способна узнать, что она достигла желаемого конечного результата своей деятельности?

И все же, несмотря на все выраженное мной несогласие с подходом Н. И. Чуприковой, вполне допускаю, что она более права, чем я. Сохранение традиций в науке — не менее важная задача, чем новаторство. Модные веяния, как бы красиво они ни именовались (постмодернизмом, плюрализмом или даже даже постпостнеоклассицизмом), направленные на разрушение старого, опаснее присущего любой культуре (и любому сознанию!) традиционализма. Нельзя разрушать принятые в науке подходы, не предлагая новых, обладающих большей объяснительной силой. В свое время футуристы призывали сбросить Пушкина с парохода современности. Ну и где теперь Пушкин, а где — футуристы? Сейчас самые блестящие психологи страны заявляют, что в науке главное движение, а не результат, что разговоры (простите, их теперь именуют дискурсом) важнее опыта. В этой ситуации то, что Н. И. Чуприкова встала на защиту традиций, на защиту естественнонаучного подхода в психологии, мне представляется мужественным поступком замечательного ученого. Пусть ситуация в нашей науке непростая, пусть мы многого не знаем и не понимаем, но психология прошла славный

путь. И здесь я встаю рядом с Н. И. Чуприковой: нельзя сдавать
однажды уже с таким трудом завоеванные позиции.